

В представлении же современного горожанина, звезда – это сначала человек, ‘представитель сферы шоу-бизнеса’, и уже только потом – небесное светило. Основным символом, который она представляет в наивном сознании современного носителя языка, выступает красная пентаграмма, символ советской власти. В функционировании значения ‘судьба, счастье, участь’ намечается сдвиг в сторону значения ‘успех’, который ограничивается конкретными временными рамками (*звездный час*) и относится к социальной или профессиональной сфере конкретного лица.

Исчезают представления о звезде как о мере времени, и основной характеристикой становится графичность. В современных представлениях в образе звезды больше антропоморфных черт. Иная культурная традиция диктует сакральное отношение к данной реалии, стремясь вывести функциональность подобной мотивации за рамки наивных представлений. Это уже совершенно иной уровень эстетизации реалии, не только на формальном, но и на символическом уровне ассоциаций и прецедентных текстов.

Е. С. Коган

Предметная лексика в русской и якутской паремии (названия частей тела)

Одним из способов отражения рефлексии являются наглядные образы, закрепленные в предметной лексике языка. С ее помощью человек выражает свое представление об абстрактных категориях, значимых для него. «Именно вокруг языковых структур строится мировоззрение человека, и объективная картина мира запечатлена в языках неодинаковым образом» [Габышева, 2003, 3]. Определить причины этой «неодинаковости» по отношению к русскому и якутскому языкам – задача данной статьи.

Якутская культура во многом отличается от русского традиционного уклада. Разные части света – Европа и Азия, свой для каждого наро-

да способ хозяйствования (для русских – земледелие, для якутов – охота и скотоводство), различная вера (христианство и язычество, шаманизм). Естественно, что в таком случае и способ видения мира, способ обработки и передачи информации о нем также будет неодинаковым.

Наши наблюдения основаны на сопоставлении русской и якутской паремии. Выбор обусловлен тем, что она, с одной стороны, принадлежит языку, а с другой – тесно связана с культурой. Поговорочное слово несет в себе не просто лексическое значение. Оно передает также сложившееся в сознании народа представление о явлении, называемом им, отношение к нему, связанные с ним мифы и обычаи. Так, например, с соколом в русской культуре связано представление о доблести, силе, удали (*Знать сокола по полету, а доброго молодца по походке, Вороне соколом не бывать* и т. п.), для якутов же он представляется воплощением лени и обжорства (*Кытыйа кыырда, хамыйах хардааччыта* «Ястреб до чашек, сокол до ложек» – говорится о ленивом обжоре [ЯР, 214]).

Материал показал, что русская паремия обладает в целом большим предметным спектром для выражения абстрактных понятий, нежели якутская. Здесь упоминается больше предметов, явлений. Причина этого, вероятно, в том, что русские занимают пространство несоизмеримо большее, нежели якуты. Многообразие климатических условий, форм быта, профессиональных занятий повлияло на объем используемой лексики. Так, например, для якутов основными занятиями являются охота и рыболовство, причем последнее считается презренным делом, промыслом бедняков. Для русских же ведущим занятием является земледелие, в якутском хозяйстве почти совсем не развитое по причине неподходящих природных условий. Соответственно, в русской паремии наличествует множество лексем, отображающих предметную сферу земледельческого уклада (например, *Жернов – попало зернышко под кованый жернов; Мелет, точно жернов, что ни попадя; Коса нашла коса на камень; На острую косу много сенокосу* и т. д.), не задействованных в якутской по причине отсутствия реалий.

Представляется допустимым наметить два пути вовлечения лексики в сферу паремии, которые можно обозначить как экстенсивный и интенсивный. Под экстенсивным путем понимается расширение лексического запаса паремий данного языка за счет привлечения новых реалий, воспринимаемых носителями языка нерасчлененно, в совокупности всех частей. Интенсивный же путь предполагает увеличение числа лек-

сем вследствие членения некоей реалии на составляющие части, которые воспринимаются как значимые. Первый способ характерен для русского языка, второй же наиболее типичен для якутского. Наиболее наглядным примером данного утверждения является сфера названий частей тела в русской и якутской паремии.

Собственное тело является для представителя традиционной культуры точкой отсчета, своеобразной системой координат в познании окружающего мира. Тело как максимально освоенное и ясное явление помогает упорядочить хаос новых понятий. «Анатомическая лексика принимает активное участие в языковой концептуализации мира и социума... Тело, его структура служат не только точкой отсчета, но и универсальным образцом для построения системы понятий» [Габышева, 2003, 3].

Набор упоминаемых в паремии частей тела различен для якутского и русского языков.

Во-первых, русскими тело воспринимается прежде всего с внешней стороны. В поговорках упоминаются лишь видимые части, такие как голова (*Хватился шапки, как головы не стало; Голова хвоста не ждет*), рука (*Пять перстов, а все одна рука; Дай воли на палец – всю руку откусят*), живот/брюхо (*Обед брюха не ищет; борода с помело, а брюхо голо*) и т. п. Для якутов же характерно внимание также и к внутренним органам: кишка (*Сума его сморщилась, кишкой подпоясался* [ЯФ, 279]), кадык (*Уһугунан дугуммут, уолугунан тыыммыт* «Дышит кадыком, ступает на носках» – о запальчивом, вспыльчивом человеке [ЯР, 118]), зев (*Тамах аңјар* «Толкает в зев» – пытается выпытать у собеседника тайные мысли [Пекарский, 3, 2545]), желудок (*От страха у него душа ушла в желудок* [ЯФ, 194]) и т. д. При этом русским присуще выделение довольно крупных частей тела, которые воспринимаются целостно и не расчленяются на более мелкие составляющие. Сюда относятся, например, такие части тела, как бок, брюхо, грудь (*Не доглядишь оком, так заплатишь боком; плохо лежит – брюхо болит; гордому кошка на грудь не вскочит*).

Во-вторых, у якутов задействованы также и телесные жидкости, а именно кровь (*курāнах маска хāн абы саты сылјар* «сухое дерево старается выпачкать кровью» – о клеветнике [Пекарский, 1, 13]) и гной (*куһабан кутургуһа аһын курдук дэлби барыа* «плохое прорвется, как гной из нарыва» [ЯР, 48]).

В-третьих, важна соотнесенность частей тела между собой. Для якутов значимо положение в пространстве. Так, например, упоминание головы и ног, как правило, несет идею правильности или неправильности в зависимости от того, что находится сверху: *Сах илмин! бастарынан турдунар, атастарынан турдунар* «Черт их возьми! Пусть становятся хоть головами, хоть ногами» [Пекарский, 3, 2835] – говорят, отказываясь от вмешательства в дела тех, про кого произнесены такие слова. Мена местами верха и низа выступает как символ нарушения существующего миропорядка. Следовательно, чтобы унижить соперника, с точки зрения мифологического сознания, достаточно соотнести его образ с нижним положением. Это может проявляться, например, в угощении голенной костью, словесным же выражением может служить, например, поговорка типа *Вчера еще собачью ляжку в зубах таскал, а сегодня лисий хвост в руках несет* [ЯФ, 274] (ср. рус. *из грязи в князи*). «Динамичное взаимодействие языка и культуры происходит в процессе ритуала, который актуализирует образ тела, лежащий в основе социальной терминологии, номинаций частей дома, коновязей и т. д. Ритуалы, призванные воспроизводить и утверждать установленный миропорядок, построены, как показывает материал, на неявном соотнесении изоморфных структур социума, жилища, сваренной туши животного и т. д. и приведении их в соответствие друг с другом: “ножные” люди спешиваются у “ножной” коновязи, садятся на “ножную” лавку, в качестве угощения им достается голенная кость. Изоморфные структуры тела и социума проецируются на семиотическое пространство двора, жилища; в свою очередь, структура социума проецируется на сваренную тушу животного и ее части, которые распределялись в строгом соответствии с социальным положением гостей» [Габышева, 2003, 3].

Иная идея воплощается с помощью той же пространственной расположенности в поговорке *Он по́том со лба мазал свои ступни*, где удаленность данных частей тела работает на выражение интенсивности.

У русских же соотнесенность частей тела проявляется скорее в аспекте «часть – целое» и «первичное, значимое – вторичное, незначительное» (*Снявши голову, по волосам не плачут; Дай воли на палец – всю руку откусят*). Причем связь такого рода может проявляться как внутри данной тематической группы (*Дай с ноготок – запросит с локо-ток*), так и на межгрупповом уровне (*Хватился шапки, как головы не стало* – лексические группы частей тела и одежды; *Была бы голова, а виши*

будут – частей тела и насекомых). Отношение «голова – ноги» в русском языке не является пространственным, а выражает, скорее, идею главное – зависимое (*За глупую голову и ногам плохо*).

Значение неправильности воплощается через приписывание части тела не присущего ей действия, мену органов функциями (*И мы не на руку лапоть обувает; Ртом глядит, ничего не слышит*). Здесь тоже есть мотив перевернутости, но не пространственной (хотя и таковая частично присутствует во второй поговорке, где рука выступает как выражение верха, лапоть же является объектом, присущим низу), а акциональной.

Следует также отметить и тот факт, что в якутских пословицах и поговорках практически не упоминаются усы и борода, в то время как волосы являются достаточно часто отмечаемым объектом. Это связано с внешним фактором: у якутов нет растительности на лице, следовательно, нет нужды в обозначении и языковом использовании реалий. У русских же усы и борода являются весьма распространенным пословичным образом (*Велики усы, а все бороды не выкроишь; И в ус себе не дует; Была б голова, будет и борода* и т. д.).

Таким образом, видно, что у русских разнообразие средств выражения связано во многом с богатством окружающего их природного мира, а также разнообразием занятий, ремесел, неоднородностью бытовой сферы. У якутов же отсутствие пестроты материала замещается большей детализацией образа, вниманием к мелким составляющим, порой неочевидным для русских.

Е. А. Березовская

К этимологии нескольких северно-русских ихтионимов

Жиган ‘малек семги или хариуса’ (Арх: Леш) [СГРС, 3, 366], *жиганы* ‘мелкая, низшего сорта рыба’ (Урал) [СРНГ, 9, 165].

Можно считать ихтионим дериватом корня *žeg- (или *žyg-) со значением ‘гнуть’ [см. Варбот, 1978, 4–12; Галинова, 2000, 148], утратив-